

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф75

Иллюстрация на переплете *Cyliss*

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Фокс, Вероника.
Ф75 Я ненавижу вас, доктор Робер! : роман / Вероника Фокс. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206759-4

Яна Аланина обожает молекулярную биологию, но терпеть не может своего коллегу доктора Марка Робера. Она считает его высокомерным снобом, наглецом и хамом, который постоянно отпускает язвительные шуточки в сторону своих коллег. Доктор Робер тоже недолюбливает Яну и старается побольнее подколоть ее и вывести из себя.

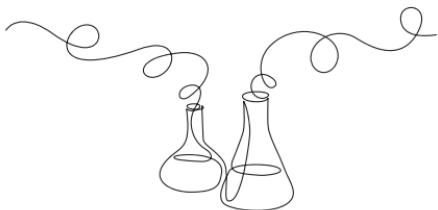
Но все меняется в тот день, когда Яне поступает заманчивое предложение: сам доктор Робер просит ее сыграть в «фейковые отношения», чтобы родственники бросили свои попытки его женить. В ответ Марк поможет Яне с зачислением в аспирантуру.

Как поступит Яна? Когда ненависть от любви отделяет лишь тонкая гипсокартонная стена...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Фокс В., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206759-4

Глава 1

Яна

Этот ужасный день начал отравлять мою разменную жизнь еще до того, как я встретила человека, с которым меньше всего хотела бы оказаться в одном бункере во время апокалипсиса.

Все началось с будильника. Я так резко подскочила в кровати, что ненароком опрокинула стакан воды на тапочки. Моего корги Шелби стонило на белоснежный ковер, а потом, буквально через двадцать минут, я с воплем «А ну стой! Что ты там со жрал?!» носилась вокруг детской песочницы, подрабатывая бесплатно местным будильником.

Сейчас, стоя у металлических дверей лифта в белом холле, пол которого выложен элегантной мраморной плиткой, я меньше всего хочу, чтобы кто-то зашел со мной в кабину. Несколько минутами ранее охранник на проходной успел заценить мой дерзковый видок, пока я копалась в сумочке в поисках пропуска. Секунд через пять я вспомнила, что для всех сотрудников включили вход по биометрии.

Дерьмовый день. Но эти гребаные неудачи — ничто по сравнению с тем, что разозлит меня позже.

Я биолог в Центре молекулярной генетики, обожаю все, что связано со вселенной Marvel, и лавандовый капучино. И вообще, моя жизнь чем-то похожа на кольцевую плазмиду, где все идет по одному и тому же шаблону. По крайней мере, мне так казалось до этого утра...

Мои мучения прерывает тонкий пронзительный сигнал прибытия лифта. Металлические двери раскрываются, и я быстро захожу в кабину. Нервы по-тихоньку сдаются, я судорожно жму на кнопку восьмого этажа, да так рьяно, что мне кажется, она вот-вот сломается. Голова гудит, я не выспалась... Хотя когда я в последний раз нормально высыпалась?

Лифт, словно зевающий консьерж, лениво закрывает двери. Я пытаюсь расслабиться, закрыть глаза и выдохнуть накопившиеся переживания, но внезапно раздавшийся оглушительный писк дает мне понять, что кто-то еще вызвал лифт. Сердце подпрыгивает к горлу, перекрывая кислород. Дьявол.

Я опускаю голову и вижу мыски идеально начищенных мужских ботинок. Я поднимаю взгляд. В лифт заходит мужчина. Он не нажимает ни на какую кнопку — это означает, что ему тоже на восьмой этаж.

Обернувшись, будто не заметил раньше, он оглядывает меня с ног до головы с таким отвращением и в то же время любопытством, что я невольно ежусь, и мне становится не по себе. Ситуация на самом деле дурацкая. Легким движением руки

он снимает очки и, кривя губы, словно задумываясь перед тем как что-то сказать, вновь скользит по мне взглядом.

На нем стильное серое драповое пальто. Оно расстегнуто, но ослепительно-белая рубашка застегнута до самой верхней пуговицы. Идеально выглаженные серые брюки, пахнет от него... дорого и удушливо. У него большие серо-голубые глаза, ровный прямой нос и вытянутое лицо с тонкими бледными губами.

Я одариваю его таким же красноречивым презрительным взглядом. Мужчина приглаживает и без того ровно уложенные темные волосы, нажимает на сенсорную кнопку наушников и, вынув их из ушей, спрашивает бархатистым голосом:

— Утро не задалось?

Мне становится любопытно. Кто он такой? Удущливый дорогой аромат подчеркивает его тщеславие красной линией.

Опускаю взгляд и с интересом рассматриваю мыски своих ботинок. Мужчина тоже не отказывает себе в удовлетворении интереса. Его холодный взгляд прожигает кожу через пальто — не буквально, конечно, просто метафора такая.

— Да. Какой-то слепой индюк обдал меня из лужи и покатил спокойно дальше на своем драндулете.

Наверное, нужно добавить, что я выкрикивала непристойные слова вслед. Не припомню даже, когда я в последний раз была так раздражена.

Злобная ухмылка на лице мужчины меня настороживает. Приходится прикусить язык, чтобы не ляпнуть лишнее.

Мужчина убирает наушники в чехол и следом — во внутренний карман драпового пальто.

— Прискорбное событие! — восклицает он так, словно разделяет со мной это горе. — Я видел это.

Он лжет. Уголки его губ невольно подрагивают. Удивленно смотрю на мужчину. Что-то тут не сходится...

— Правда?

— Да, — кивает он. — Потому что этот, как вы выразились, «индюк» — это я. И это мой «драндулет».

Говорю же, дурацкая ситуация.

— Ох... — срывается с моих уст, словно я удивляюсь чему-то волшебному. А потом еще раз, только чуть тише: — Ох...

— То, что сейчас сорвалось с вашего языка, выражает сожаление, досаду, печаль, горе, боль, удивление и восхищение, — тараторит мужчина, пока лифт несет нас на нужный этаж. — Скорее всего, это попытка извиниться. — Он меняется в лице, будто съел дольку кислого лимона. — Я по-думаю над вашими извинениями.

Кажется, по моему выражению лица понятно, что он перегнул палку. Очертил слишком большую область для своей территории, совершенно забыв всю этику. Его раздутое самомнение чуть ли не щиплет мне глаза.

— Вообще-то, не я была за рулем, зачем мне извиняться?

— В отличие от некоторых, я не сравниваю человека с домашней птицей, — парирует тот. — И вообще, я думаю...

— Вот-вот. Индюк тоже думал, да в суп попал.

Острый, пронизывающий до костей холодом взгляд мужчины действует мне на нервы. А еще эта дурацкая неловкая пауза, повисшая между нами, давит на совесть. Быть может, я слегка перегнула палку, но этот индюк ничем не лучше. И если бы я была чуточку хуже воспитана, то вряд ли смогла бы прикусить язык, чтобы не сболтнуть лишнее.

Мужчина кидает взгляд на мой бейдж, который мне выдали только две недели назад и который по этой причине еще не потерял презентабельный вид. Он склоняется ко мне, и я дергаюсь.

— Хамить старшим — дурной тон.

Размеренный мужской бархатистый голос кажется мне привлекательным. Я полагаю, в ораторском искусстве этот мужчина лучший. По крайней мере, его речь поставлена очень хорошо.

— Как и обливать пешеходов на своем драндуплете, — стою я на своем, не замечая, что мой голос слегка дрожит — не от страха, а от волнения.

Если бы он притормозил у чертовой лужи на парковке около центра, то никакой бы неловкой ситуации не было. Моя жизнь продолжила бы идти по заданному шаблону, а я не переживала бы, что меня выбило из колеи. Ведь именно так сейчас я себя ощущаю: стою одной ногой на тонком канате, стараюсь сбалансировать равновесие своего размеренного дня.

Последнее, что я вижу перед прибытием лифта, — кривая ухмылка мужчины. Кажется, наше противостояние только начинается. Двери лифта

открываются, и мужчина, больше ничего не добавляя, выходит первым. Галантности у него нет, так и запишу в свой воображаемый черный блокнот ужасных людей.

Выйдя за ним, вижу, что мужчина идет в левое крыло. Именно туда, куда и мне нужно. Тяжело выдохнув, следую за ним, стуча каблуками по ламинату.

Ровная мощная спина, уверенный широкий шаг. Его походка настолько выдает раздутое самомнение, что мне становится противно. А еще подливают масла в огонь мысли о секундном споре в лифте. Никак не могу выбросить его из головы, прокручиваю снова и снова наш дурацкий диалог.

Мужчина останавливается так внезапно, что я врезаюсь в него, не успев затормозить. Хотя, честно говоря, если бы я снова не была настолько поглощена раздумьями, то миновала бы и это происшествие.

— Вы что, решили меня преследовать? — спрашивает он, резко встав вполоборота.

Мы стоим настолько близко друг к другу, что эта дистанция щекочет нервы. От недовольства дыхание становится прерывистым — и у меня, и у мужчины. Теперь я могу его рассмотреть поближе. Тонкие бледные губы приоткрыты, ровная спина, брови слегка вздернуты в непонимании. Его взгляд заставляет меня ощущать, что я чем-то прониклась перед ним. И это чувство бьется в груди рвущейся наружу птицей.

— Не бойтесь, — сухо отвечаю ему, — таких, как вы, в суп не добавляют.

— А куда же таких добавляют? — интересуется он и полностью поворачивается ко мне.

Ладно, скажу откровенно. Когда я оказываюсь в подобных ситуациях, мой разум отключается напрочь. Я работаю над тем, чтобы быть сдержаннее, а с учетом того, что моя жизнь размеренна и стресса в ней куда меньше, чем у эритроцита в гипотоническом растворе, то любое подобное обстоятельство напрочь затмевает чистые мысли. Но почему-то именно сегодня и именно рядом с этим мужчиной мне хочется язвить сверх дневной нормы. И даже барометр ломается, зашкаливая давление и не выдерживая вырывающийся наружу, будто действующий вулкан, сарказм.

Мужчина продолжает смотреть на меня, ожидая ответа, а мне в голову ничего не приходит. И чем дольше мы смотрим друг другу в глаза, тем сильнее затухает во мне желание отвечать ему. В голове резко становится пусто, лишь игрушечная мартышка стучит тарелками с периодичностью в пять секунд. Вполне возможно, это голос разума призывает меня закончить бес tactную полемику.

Поджав губы, огибаю мужчину и ускоряю шаг, чтобы побыстрее добраться до комнаты отдыха.

— Я так и думал.

Глухой нож ненависти едва не долетает до моей спины. Слова, сорвавшиеся с уст мужчины, колкие, интонация кажется мне котлом насмешки, который при случае может взорваться. В этот раз нужно просто отпустить ситуацию. Не идти на поводу у эмоций, постараться проглотить колючий ком возмущения.

Иду в комнату отдыха, которая располагается ровно посередине этого крыла, и, дернув за ручку, захожу внутрь. Комната очень просторная, светлая. Здесь несколько диванов, два стола, за которыми мы можем что-то почитать, поделать или поесть, даже несмотря на то, что в Центре есть полноценное место для кофе-брейка. Из комнаты отдыха можно попасть в мужскую и женскую раздевалки, для каждой предусмотрен свой отдельный вход.

— Доброе утро, — приветствую я Женю, которая распласталась на диване, лениво читая какой-то журнал.

С Женей мы познакомились две недели назад, прямо в тот момент, когда я пришла сюда трудоустраиваться. Она административный лаборант, знает, где что лежит, проводит инструктаж для новеньких, составляет график дежурств и много чего еще делает.

Собеседование я прошла онлайн, потому что в лабораторию срочно требовался сотрудник. И в девять часов вечера, пока я сидела перед камерой ноутбука в домашних шортах и стильном пиджаке, который впопыхах натянула на себя, приятная эйчар задавала мне неимоверно глупые вопросы. Она вообще не в курсе того, чем занимается лаборатория. И когда я начала задавать ей встречные вопросы, эйчар тактично съехала на абстрактные ответы, которые зачитала с листка бумаги. Было странно, но все-таки меня приняли.

— Доброе, — отзыается Женя и, подняв на меня глаза, добавляет: — Кто тебя так?..

Я аккуратно снимаю пальто и рассматриваю его на свету. В ткань въелись грязные пятна. Отсти-

рать их будет очень сложно. Уж не знаю, из чего сделаны лужи в Москве, но выглядят пятна ужасающе.

— Индюк какой-то, — отвечаю Жене с досадой в голосе.

И, стоит мне опустить пальто, как в дверях появляется он. Мое сердце замирает, кажется, дважды за одну секунду. В проеме застыл мужчина, тот самый, которого я видела в лифте. Тот самый индюк, окативший меня грязью на своей машине у Центра.

— Доброе утро, Марк Борисович, — здоровается первой Женя.

Я перевожу взгляд на нее, потом снова смотрю на мужчину.

Робёр Марк Борисович. Сын самого Робера Бориса Алексеевича, владельца этого медицинского исследовательского центра и одного из самых почетных ученых в моей записной книжке. Тот самый красавчик, о котором все девочки судачат во время обеда.

Будучи молодым аспирантом, в свои двадцать семь он защитился на PhD в Высшей технической швейцарской школе (ETHZ) по направлению наук о жизни. Зарубежной ученой степени PhD более чем достаточно, чтобы к тебе обращались как к доктору.

— Я смотрю, вы времени не теряете? — спрашивает тот, выгнув бровь, по всей видимости обращаясь ко мне.

Женя с удивлением смотрит на меня, но мне ответить ей нечего. Я вообще хочу провалиться сквозь землю, лишь бы этот день не продолжался.

— И вам доброе утро, — добавляет Марк с едва слышимой ноткой сарказма и, удалившись в мужское крыло, закрывает за собой дверь.

В комнате отдыха на секунду воцаряется тишина.

— Ты чего встала как вкопанная? — спрашивает Женя.

— Легок на помине, — выдавливаю из себя и вешаю свое пальто на руку.

— Ты о ком?

— О нем, — киваю в сторону закрытой двери мужского крыла.

Женя отводит взгляд от журнала и смотрит на меня с удивлением своими серыми глазами.

— Подожди, — говорит она шепотом, а потом подрывается с места и подлетает ко мне, — ты хочешь сказать...

— ...именно то, о чем ты сейчас подумала, — фыркаю в ответ и выдыхаю: — Это он меня облил.

— Ты же знаешь, кто он?

Иду в женское крыло, чтобы убрать уличную одежду и переодеться в халат и тапочки, и кидаю через плечо:

— Ну, теперь знаю.

Женя вприпрыжку следует за мной. Мы проходим через шлюз, где я оставляю верхнюю одежду и переобуваюсь в сменные тапочки. Дальше идет крохотная раздевалка — двадцать шкафчиков в полный рост на нашу лабораторию, где мы храним свои вещи под замком, и две лавочки, на которых переодеваемся. В углу стоит контейнер для грязных халатов. Туда можно бро-

сить испачканную реактивами одежду, и через несколько дней прачечная вернет тебе ее чистой. У меня есть несколько комплектов белой пижамы из футболки и штанов и столько же халатов, на которых вышит закрепленный за мной номер.

Я кладу сумку на лавочку, подхожу к своему шкафчику, нахожу маленький ключик на брелоке и ввожу пин-код на сенсорной панели.

— То есть... ты хочешь сказать... что Марк Борисович...

Задор в голосе Жени начинает подбешивать.

— Он ехал с такой скоростью, что не заметил, что я иду по тротуару, — говорю Жене и вытаскиваю халат.

— Очуметь! — хихикнув, выдает Женя.

— Ничего смешного.

Коллега аккуратно садится на край лавочки.

— Нет, ну это просто очуметь не встать!

Я надеваю белую футболку, следом — халат и, застегнув его на все пуговицы, добавляю:

— Более того — я назвала его индюком в лифте.

Женя прикрывает рот рукой, хотя перед этим с ее уст сорвалось протяжное «а-а-а...», а после начинает смеяться как ненормальная. Ее лицо краснеет от напряжения. Конечно, если бы я была на ее месте, то наверняка бы тоже смеялась. Но почему-то мне не до смеха.

Пока я переодеваю штаны, Женя вроде бы успокаивается. Она одергивает свой халат и, заправив волосы за ухо, говорит:

— Ты же понимаешь, что теперь ты враг для Марка Борисовича?

— С чего вдруг?

— Ну...

Коллега отводит взгляд в сторону и с некой долей загадочности продолжает:

— Как-то раз к нам пришла стажерка. Марк уже работал тут, и они сцепились насчет какого-то эксперимента — какого точно, я не помню. Так вот... — Женя облизывает бледные губы и усмехается: — Марк Борисович до последнего изводил бедную подколами, и той пришлось попросить о переводе.

— Думаешь, он и меня будет изводить? — продолжает мысль за Женей, хотя самой в это очень мало верится.

— Ну, не знаю... — пожимает плечами она. — Быть может...

— Мне все равно, — заявляю ей.

Хотя на самом деле, конечно, не все равно. Но это будет уже моя проблема, поэтому... поживем — увидим.

Убрав свои вещи в шкафчик, я закрываю его и, не обращая внимания на коллегу, выхожу из раздевалки. В это же мгновение из мужской раздевалки выходит Марк Борисович.

Прямо синхронизация культур. Как самый нелепый ситком по телевизору.

Марк одаривает меня пронзительно-холодным взглядом, отчего я невольно сжимаюсь, поправляет очки и щурится, словно что-то рассматривая.

— Значит, — раздается эхом в комнате отдыха его мягкий баритон, — Яна Андреевна Аланина...

Я НЕНАВИЖУ ВАС, ДОКТОР РОБЕР!

Ну надо же. А я полагала, что он слеп. Оказывается, зрение у него отличное.

— А вы...

— Робер Марк Борисович.

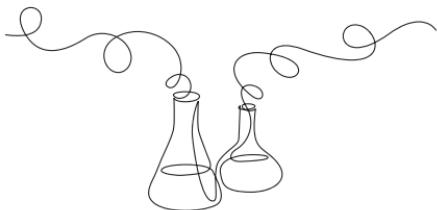
Я складываю руки на груди, а этот четырежды индюк сует руки в карманы своего белоснежного халата.

— Приятно познакомиться, — любезничаю я.

— Нет, вряд ли, — отрезает тот и, кинув напоследок презрительный взгляд, удаляется прочь.

— Я же тебе говорила, — говорит коллега у меня за спиной, — он просто так тебе это не спустит с рук.

— Ну, посмотрим, кто кому что спустит!

Глава 2

Марк

За стаканчиком вкусного ароматного кофе я обычно хожу в кафетерий в общем вестибюле первого этажа. Сегодня же, как назло, он закрыт. Что ж, придется обойтись кофе из автомата, расположенного в лифтовом холле нашего восьмого этажа. Подхожу к автомату, выбираю американо и, приложив карту, после протяжного сигнала ожидаю, когда машина выдаст мне горячий напиток.

Мне вот любопытно, кто эта пигля, которая осмелилась перечить и язвить мне? Стоило один раз в отпуск уйти — и вот сотрудники уже хамят налево и направо.

Хмурюсь, прокручивая в голове события этого утра. Я лишь на наносекунду отвлекся от дороги и из-за этого не заметил лужу, что вылилось впоследствии в недовольство девушки. Но это произошло случайно, асфальт везде сейчас мокрый. И даже если чисто гипотетически принять к сведению то, что при нормальном распределении (я же нормальный?) и девяностопятипроцентном доверительном интерва-